

общение об увольнении енисейского губернатора В.Ф. Давыдова, «позволившего депутату Государственной думы Николаевскому устраивать собрания с речами».

Из Красноярска С.А. Ермолаев выехал в столицу поездом 26 июня. Уже 29 июня он отправил из Кургана в Минусинск телеграмму: «Переваливаю рубеж Азиатской России, приветствую всех граждан за единомыслие. Дух мой крепнет. Надеюсь на Вас»⁸.

Освещая предвыборную кампанию, «Сибирские отголоски» сообщали о торжественных проводах депутатов Государственной думы не только от Енисейской губернии, а также от Семипалатинской и Акмолинской областей⁹, от Тобольска, Владивостока¹⁰, Омска¹¹.

Корреспонденты журнала писали о том, что проходили торжества по случаю открытия I Государственной думы, С.А. Муромцеву – председателю I Государственной думы – направлялись приветственные телеграммы городскими думами, различными обществами, частыми лицами. Так, в «Сибирских отголосках» была напечатана телеграмма С.А. Муромцеву с сообщением о пожертвовании фирмой Кулаевых средств на устройство 20 начальных школ в Сибири по случаю открытия работы I Государственной думы [6, с. 9]. Вместе с тем журнал сообщал об отказе военного генерал-губернатора утвердить постановление Читинской городской думы о приветственной телеграмме Государственной думе¹².

Наконец, в корреспонденциях «Сибирских отголосков» показана реакция сибиряков на деятельность депутатов Государственной думы. Крестьяне

с. Подсосненского (Енисейская губерния) собрались у волостного правления, прося прочитать телеграммы о Государственной думе. Особенное впечатление на них произвели речи крестьянских депутатов Аладьина, Аникина и Заболотного: «По адресу депутатов полились восклицания: “Ай, да молодцы!”, “Вот головушки-то”, “Есть, значит, умники и среди крестьян”»¹³.

В название статьи вынесены слова П.Н. Миллюкова – «народ сам поручит дело своей реформы людям, которым он верит» [6, с. 78]. Газеты и журналы знакомили своих читателей с такими людьми, помещая материалы о I Государственной думе, представляя не только депутатский корпус и политически активную часть «электората», но и широкие слои сибирского населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новые исследовательские подходы в работе с историческими источниками XVIII–XXI вв. Новосибирск, 2013.
2. *Гольдфарб С.* Газетное дело в Сибири: первая половина XIX – начало XX в. Иркутск, 2002.
3. *Воронкевич А.С.* Иллюстрированные еженедельники в России (1808–1904): Метод. указ. к спецсеминару. М., 1985.
4. *Рейтлат А.И.* От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М., 1991.
5. Минусинск в XVIII – начале XX в. // Энциклопедия Красноярского края. Юг. Красноярск, 2008. С. 40–49.
6. *Миллюков П.Н.* Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб., 1907.

Статья поступила
в редакцию 13.01.2014

УДК 94(5)+393

Е.И. КРАСИЛЬНИКОВА

КОММЕМОРАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ МАССОВЫХ ПОХОРОН ЖЕРТВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ГУБЕРНСКИХ ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

канд. ист. наук,
Новосибирский государственный
технический университет,
e-mail: katrina97@yandex.ru

Цель статьи состоит в характеристике массовых похорон «жертв колчаковщины» в губернских городах Западной Сибири (Омск, Новониколаевск, Томск и Барнаул) как коммемораций – способов формирования коллективной памяти сибиряков о недавно завершившейся Гражданской войне. Исследование расширяет представление о советской исторической политике, о тенденциях формирования коллективной памяти россиян в первой трети XX в. и о культуре памяти этого периода. Похороны, как и другие коммеморации, служили власти для

⁸ Листая хронику // Почта и телеграф. 1906. 1 июля.

⁹ По Сибири // Сиб. отголоски. 1906. № 18. С. 5–6.

¹⁰ Там же. № 17. С. 9–10.

¹¹ Там же. 1907. № 11. С. 6–7.

¹² Там же. № 11. С. 9.

¹³ Там же. 1906. № 15. С. 10–12.

сознательной передачи современникам и потомкам мировоззренчески значимой информации с помощью увековечивания памяти об определенных лицах и событиях. Автор выявляет истоки ритуала похорон жертв Гражданской войны, среди которых выделяет христианские традиции, похоронные практики парижских коммунаров, литературные похороны России XIX в. Подчеркнуто, что по форме эти обряды напоминали традиционные православные похороны членов царской семьи Романовых, политических и других деятелей. Однако на таких похоронах использовалась атрибутика, имеющая революционное значение. При этом некоторые традиционные элементы ритуала подменялись элементами, характерными для «красных похорон»: использовались не иконы, а красные знамена и транспаранты, вместо религиозной панихиды устраивался гражданский митинг, вместо молитв звучали революционные песни. Автор также уделяет внимание эмоциональному фону этих похорон, проблеме моральных чувств, которые, по мнению большевиков, должны были испытывать обыватели. В статье объясняется идеологическое значение ритуала «красных похорон», их роль в осуществлении большевистской политики памяти, которая предполагала определенное видение событий Гражданской войны. Автор приходит к заключению о том, что похороны были нацелены на дискредитацию режима А.В. Колчака в общественном мнении жителей Сибири начала 1920-х гг., преувеличение героизма людей, погибших по вине «колчаковцев», на политическую социализацию населения и легитимацию власти.

Ключевые слова: Западная Сибирь, губернский город, политическая культура, коллективная память, похороны, политика памяти.

Теме массовых политических похорон неоднократно уделяли внимание историки, краеведы и этнографы (см., напр.: [1; 2]). Эта проблема нашла отражение и в британской историографии (см., напр.: [3, с. 125–153; 4]). Но, по нашему мнению, целесообразно еще раз вернуться к проблеме торжественных похорон «жертв колчаковщины», которые устраивались в губернских городах Западной Сибири зимой 1920 г. Историками до сих пор не осмыслено их значение в процессах формирования коллективной памяти населения о «колчаковщине» и о тех людях, кого считали героями сопротивления этому режиму. Недостаточно изучено и то, с помощью каких именно средств новая власть пыталась сформировать в коллективной памяти выгодные для нее образы, связанные с недавним военно-революционным прошлым. Цель исследования состоит в характеристике массовых похорон «жертв колчаковщины» в губернских городах Западной Сибири как коммемораций. Для этого предстоит решить следующие задачи: во-первых, выявить общие традиционные черты ритуала похорон «жертв колчаковщины», а также указать на нововведения, характерные именно для «красных» похорон, и пояснить их происхождение; во-вторых, интерпретировать основные смыслы большевистской политики памяти, отраженной в похоронном ритуале и направленной на закрепление в коллективной памяти населения определенных образов недавнего прошлого.

Массовые похороны мы рассматриваем, прежде всего, как вид коммемораций, под которыми подразумеваются сознательные акты передачи мировоззренчески значимой информации путем увековечения определенных лиц и событий, как введение образов прошлого в пласт современной культуры [5, с. 3]. Эти похороны, служившие, прежде всего, идеологическим целям, вписывались в общий контекст советской политики памяти изучаемого периода, т. е. способов и самого процесса идеологизации прошлого, создания необходимых власти социальных представлений и национальных символов [6, с. 41].

«Освобождение от колчаковщины» губернских городов Западной Сибири завершились в конце 1919 г. Сибирские историки советского времени писали, что при отступлении на восток колчаковцы жестоко расправлялись с политическими заключенными из числа

подпольщиков, партизан, красноармейцев и подобного им контингента, заточенного в тюрьмы. Изувеченные жертвы этих расправ подчас оставались брошенными на морозе под открытым небом. Торжественные похороны «жертв колчаковщины» зимой 1919/20 г. были организованы советской властью в каждом западносибирском губернском городе. В Омске жертвы расправы с заключенными были преданы земле в сквере у Дома Республики, в Новониколаевске – на Базарной площади, переименованной в Красную площадь, в Барнауле жертв партизанского сопротивления «колчаковщине» хоронили на проспекте Ленина.

К моменту восстановления советской власти в западносибирских городах уже имелись братские могилы жертв боев и восстаний 1918–1919 гг., не отмеченные памятными знаками, но ценные для тех, кто непосредственно сражался с «колчаковщиной», и необходимые власти с точки зрения целей пропаганды. В 1920 г. также торжественно перезахоранивали останки людей, похоронившихся в этих могилах. Примером может послужить перезахоронение жертв неудачного Томского восстания в марте 1919 г. против режима А.В. Колчака.

Многие тела, преданные земле в этот период, не были опознаны. Однако официальная пропаганда сообщала, что они принадлежали большевикам и их сторонникам. Горожане не могли не знать, что в братских могилах покоились не только герои подполья. Даже политизированные рукописи, собранные Истпартом в 1930-х гг., сообщали о том, что контингент людей, похоронившихся в братских могилах, был различным¹. Однако широко подобная информация не распространялась. Лишь в постсоветские годы сибирские историки восстановили справедливость, доказав и широко растиражировав посредством популярных изданий сведения о том, что в тех могилах покоились также многочисленные солдаты из белой армии Колчака, эсеры, меньшевики, а также люди, не имевшие прямого отношения к политике² [1, с. 19].

Зимой 1919/20 г. на массовые похороны жертв «колчаковщины» собирались огромные толпы, о чем

¹ Исторический архив Омской области. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 344. Л. 47.

² Шиловский М.В. Вопрос о городе // Новосибирск-Метро. 2007. 8 авг.

подробно сообщали местные газеты, являющиеся основным источником нашего исследования³. Из имеющихся описаний заметно, что ритуал этих похорон, с одной стороны, отталкивался от религиозной традиции, а с другой – содержал политически обусловленные нововведения. Образцом для них служили французские коммеморативные практики времен Парижской коммуны. Именно из революционной Франции 1870-х гг. в Россию пришла сама форма многолюдных гражданских похорон-демонстраций (манифестаций) и такие элементы ритуала, как пение революционных гимнов («Марсельеза», «Интернационал»), несение красных знамен, торжественные клятвы на могилах героев – мстить врагам и до последней капли крови защищать идеалы революции. Эти ритуальные особенности были усвоены еще русскими революционерами – участниками и очевидцами французских событий [7, с. 183].

В России практика гражданских похорон распространилась по стране в революционно настроенных кругах уже в начале XX в. Этнограф Н.С. Полищук связывает происхождение их ритуала с образцами русских «литературных» похорон середины XIX в. Похороны тех, кто чтился как герои, являлись одновременно демонстрациями, их назначение заключалось не только в выражении скорби, но и в показе готовности общества продолжать дело павших героев, а также в выражении политической солидарности. Уже в 1905 г. в России на «красных» похоронах появились знамена и алые ленты, украшавшие венки, началось хоровое пение революционных гимнов [8].

Гражданские «красные» похороны практиковались также в Сибири с 1905 г. Из числа многочисленных примеров приведем один: похороны И.Е. Кононова – «первого героя революции 1905 г.», погибшего во время антиправительственной демонстрации в Томске. Мемуаристы 1920-х гг. сообщали, что в этих похоронах приняло участие до 6 тыс. чел.⁴ Молодежь несла красные флаги, на кладбище началось хоровое исполнение песни «Замучен тяжелой неволей» и других революционных произведений, которое продолжалось до темноты⁵. В годы Гражданской войны политизированные похороны устраивались сторонниками разных политических сил. Торжественные похороны колчаковцев – «героев сопротивления большевизму» оставались религиозными, но на них в целях политической пропаганды устраивалась политизированная панихида, участники которой призывали мстить «красным». Жертв городских восстаний колчаковские каратели старались закапывать в землю безо всяких почестей и памятных знаков. В отдельных случаях родным разрешалось забрать тела казненных и «замученных». Но при этом

³ См., напр.: Похороны жертв контрреволюции // Сиб. коммунист. 1920. 24 янв.; Похороны // Красное знамя. 1920. 22 янв.; Похороны жертв колчаковского произвола // Сов. Сибирь. 1919. 2 дек.; и др.

⁴ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 295. Л. 3.

⁵ Там же. Оп. 4. Д. 67. Л. 2–3.

похороны происходили под контролем надзирателей. Любые элементы торжественности и политизации запрещались⁶. Теперь большевики перезахоранивали останки людей, погребенных без почестей, провозглашая вечную славу побежденным, дело которых не умерло, а успешно продолжалось их товарищами.

На похороны-демонстрации, как и на все особенно торжественные массовые мероприятия, народ по обыкновению собирался на центральных площадях городов. Тех, кого признали героями, хоронили не на кладбищах, подчеркивая их исключительность. Еще до революции сложилась практика похорон выдающихся людей, имевших перед городом особые заслуги, вблизи церквей или учреждений, основанных ими. Заслуги героев сопротивления «колчаковщине» рассматривались как исключительные. Поэтому их хоронили в наиболее людных местах с тем, чтобы память о них актуализировалась постоянно в сознании большинства горожан. Братские могилы зачастую фактически соседствовали с православными храмами. Это соседство внешне выглядит традиционным, однако, в сущности, братские могилы как новые сакральные места «конкурировали» с храмами, которые в дальнейшем «вытеснялись» строившимися революционными монументами.

Очевидно, что на выборе мест для братских могил и на ритуале похорон сказался опыт погребения «борцов за свободу» на Марсовом поле в Петрограде в марте 1917 г. Это место избрали для погребения героев, поскольку планировалось, что именно здесь будет располагаться здание Учредительного собрания. Братская могила «под окнами» правительства должна была вечно напоминать об ответственности и верности идеалам революции. Эти похороны были задуманы как всенародные, общегражданские. Гробы обивались красной тканью, украшались еловыми ветками. Опускание гробов в могилы сопровождалось стрельбой из пушки в Петропавловской крепости [9, с. 76–82].

В сценарии похорон героев и жертв «колчаковщины» традиционное богослужение заменяли митингом; иконы, которые на православных похоронах несли участники траурного шествия, – черными и красными транспарантами с революционными лозунгами. Демонстранты несли также красные знамена. Если в период революции 1905 г. красное знамя бросало вызов царской власти [8, с. 29–30], то теперь оно олицетворяло единство сторонников революции и победившей советской власти, словно наглядно доказывая, что жертвы контрреволюции не были напрасными. Символическому значению знамен уделяет особое внимание историк В.С. Тяжелникова, согласно выводам которой, знамена олицетворяли суд в раннехристианском смысле, выявляя верных идее и указывая на них [10, с. 420–421]. Знамена символически идейно объединяли участников похорон, маркируя их политические взгляды и указывая на политический характер самого похоронного действия. Красной тканью, как уже отмечалось, обтягивались и гробы, чем подчеркивались

⁶ Там же. Д. 1715. Л. 17.

жертвенность героев и их верность «правому делу» до смерти. Гробы могли быть и обычными, тесанными, но украшенными красными лентами (в Омске).

До революции пышные похороны, как правило, сопровождал хор церковных певчих. На «красных» похоронах исполняли похоронный марш («Вы жертвою пали...»), «Интернационал» и «Марсельезу». Массовое шествие со знаменами под музыку по форме могло напоминать обывателям хорошо известный им крестный ход. Значение музыкального сопровождения прощания с усопшим на традиционных и на гражданских похоронах было схожим: в первом случае певчие напоминали убитым горем близким покойного о бессмертии души, во втором случае – об эпохальном значении дела, которому отдали жизнь погибшие, чей подвиг бессмертен.

На гробы возлагали хвойные венки, путь до могил тоже усеивался хвоей. На религиозных похоронах аналогичным образом обычно использовали живые цветы – символ рая. Однако хвойные (кипарисовые) венки, символизировавшие заслуги усопшего, были присущи декору русских надгробий эпохи классицизма, к символике которой происходило обращение в военно-революционный период. Траурные венки украшали красные ленты, как со вполне традиционными для христианской культуры формулировками («Вечная память павшим товарищам»), так и с сугубо политическими («Революционный дух ни в тюрьме, ни в земле не сгниет»; «Железная рука пролетариата отомстит за вас»⁷).

Порядок шествия демонстрантов в разных городах мог быть различным, но логика построения оставалась общей, в целом сходной с традиционной. Сравнение построения этих процессий с траурными процессиями на похоронах великих князей начала XX в.⁸ позволяет выявить некоторые общие черты. На религиозных похоронах высокопоставленных особ шествие возглавляли люди с иконами и цветами. На массовых похоронах «жертв колчаковщины» впереди гробов шли люди с черными траурными транспарантами. За гробом следовали члены губернского революционного комитета (в Новониколаевске) или местная организация коммунистической партии (в Томске) со своими знаменами, состав губернских или уездных ЧК. В традиционном варианте за гробом должны были также следовать не только представители власти, но и родные усопших. Родственникам отвели почетное место «за гробом» в процессии только на похоронах «жертв колчаковского произвола» в Омске. Далее, как и на традиционных похоронах именитых лиц дореволюционной поры, шли войсковые подразделения, хор, оркестр, частная публика. Особо отмечалось место профсоюзов – нового звена в процессии. До революции церемониалы подобных торжественных шествий четко прописывали специальные правительственные комиссии. Этот опыт был учтен и использован советской властью.

⁷ Похороны жертв контрреволюции // Сиб. коммунист. 1920. 24 янв.

⁸ Российский государственный исторический архив. Ф. 473. Оп. 3. Д. 884.

На месте погребения устраивался митинг, заменивший в сценарии похорон традиционную панихиду. Речи, звучащие на томском митинге, если верить газете, преимущественно призывали собравшихся совместно поклясться оставаться верными делу, за которое погибли герои. Аналогичные клятвы звучали и на других массовых похоронах. Клятвы на могилах соответствовали религиозной традиции, но особенно этот элемент ритуала был развит в культуре романтизма, образы и смыслы которой также актуализировались в военно-революционный период.

Заметно, что от участников «красных» похорон ожидалось не традиционное слезное переживание горя, а злость и агрессия, адресованные классовым врагам. Слезы родных и близких воспринимались как естественное явление, но от прочих товарищей ожидалась стойкость, сдержанность, соответствовавшие восприятию смерти в контексте культуры классицизма, ассоциировавшейся с эпохой Великой французской революции, а также и злоба, без которой нет эмоциональной мотивации к дальнейшей борьбе⁹.

Описанные нами коммеморации имели сугубо политические цели. В самом общем смысле они служили политической социализации. Историк Б.И. Колоницкий подчеркивает, что именно политическая символика и подобные массовые действия служили первичными средствами «обучения политике»¹⁰. Символическое выражение политических идей было нацелено на эмоциональное восприятие политики и на ее переживание. Конкретное же политическое значение этих похорон выразила, в частности, «Советская Сибирь»: «Сегодня в день похорон павших товарищей рабочие и крестьяне... должны окончательно похоронить всякую мысль о каком-либо соглашении с буржуазией. Буржуазия уходит с исторической сцены, оставляя за собой кошмарный кровавый след»¹¹. Еще не закончилась Гражданская война, однако важно было создать видимость финальной победы над врагами. Массовые похороны в этом смысле должны были вызывать в народном сознании ощущение поставленной точки в войне. Между тем многие жители губернских центров не были солидарны с советской властью. Поэтому массовые торжественные похороны жертв «колчаковщины» были призваны «разоблачить палачей», продемонстрировать народу наглядно масштабы их «зверств» (реально преувеличенные) и удостоить почестей борцов, павших в ходе сопротивления врагам (героизм тоже гиперболизировался и романтизировался). Пропаганда всячески подчеркивала особую жестокость белых, а также стойкость и бесстрашие истинных большевиков, сознательно отдавших свои многочисленные жизни за идеалы революции. Одновременно обыватели должны были почувствовать, что Советы

⁹ Похороны жертв колчаковского произвола // Сов. Сибирь. 1919. 2 дек.

¹⁰ Колоницкий Б.И. Политические символы и борьба за власть в 1917 г. [Электронный ресурс]. URL: window.edu.ru/resource/483/38483/files/spr0000031.pdf (дата обращения: 20.03.2014).

¹¹ Стуков И. Надо поскорее покончить с чудовищем // Сов. Сибирь. 1919. 30 нояб.

уже давно имеют в народе массовую поддержку, благодаря которой и состоялась их победа.

Итак, Советам, вернувшим власть в Западной Сибири, требовались эффектные массовые коммеморации, направленные на «проработку прошлого» по горячим следам: на формирование в исторической памяти сибиряков героических образов большевиков, а также на дискредитацию врага. Именно поэтому яркой чертой этого времени стали массовые прощания с «жертвами колчаковщины», которых повсеместно с почестями хоронили и перезахоранивали. По форме похороны отвечали общим контурам исконной традиции, в своей сущности они были понятными для обывателей, многие из которых не верили в долговечность власти большевиков и не доверяли им, но из нравственных побуждений, из сочувствия проявляли интерес к прощанию с погибшими. Относительно новыми были только отдельные ритуальные детали (красные знамена, хвойные венки, похоронный марш, митинг), однако именно с их помощью власти удавалось выражать не общечеловеческий скорбный смысл похорон, а их конкретное идеологическое значение. Накаленная эмоциональная обстановка помогала большевикам привлекать на свою сторону обывателей и внушать им доверие, специфично репрезентуя образы, связанные с недавним прошлым.

УДК 94(47) “1928”

А.А. НИКОЛАЕВ

ОБ ИТОГАХ ПОЕЗДКИ ДЕЛЕГАЦИИ ЦЕНТРОСОЮЗА В ГЕРМАНИЮ В 1928 г.

д-р ист. наук
Институт истории СО РАН
г. Новосибирск
e-mail: agronicol@gmail.com

В статье впервые публикуются выдержки из докладной записки члена правления Центросоюза К.Г. Петунина по использованию опыта германской кооперации в организации советской торговли и совершенствованию системы кооперативного управления. Записка была подготовлена по итогам заграничной поездки делегации Центросоюза, посетившей Германию в 1928 г. Ее подлинник, датированный 4 апреля 1929 г., хранится в Российском государственном архиве экономики в ф. 484 Центросоюза. К.Г. Петунин, возглавлявший делегацию, являлся талантливым организатором кооперативной торговли, он начал свою управленческую карьеру в Сибирском союзе кооперативных союзов – Закупсбыте еще в дореволюционные годы. В 1920-е гг. занимал руководящие должности в Центросоюзе. Его предложения сводились к совершенствованию техники организации торговли в плане приспособления к запросам потребителя, использованию немецких принципов и методов кооперативного управления и модернизации системы подготовки и переподготовки кадров с ориентацией на освоение практических навыков работы в процессе обучения. Особое значение в записке уделялось укреплению материально-технической базы и ее профилированию для решения целей и задач потребительской кооперации, разделению функций в органах управления, строгой регламентации порядка принятия и исполнения решений, сочетанию принципов самостоятельности и ответственности сотрудников в пределах своих функций.

Ключевые слова: Центросоюз, Закупсбыт, кооперативная торговля, германская кооперация, кооперативное управление.

В 1928 г. делегация советских кооперативных работников во главе с членом правления Центросоюза К.Г. Петуниным посетила Германию с целью изучения опыта

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вибе П.П.* Мемориальный сквер «Памяти борцов революции» // Памятники истории и культуры Омска. Омск, 1992. С. 19–27.
2. *Корсакова М.И.* Погосты, кладбища, братские могилы // История города: Новониколаевск – Новосибирск: исторические очерки. Новосибирск, 2005. С. 349–364.
3. *Merridale C.* Night of stone. Death and memory in twentieth-century Russia. N. Y., 2000.
4. *Merridale C.* Revolution among the dead: cemeteries in twentieth-century Russia // *Mortality*. Vol. 8, N 2. May 2003. P. 176–188.
5. *Святославский А.В.* Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурол. М., 2012.
6. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. М., 2004.
7. *Итенберг Б.С.* Россия и Парижская коммуна. М., 1971.
8. *Полищук Н.С.* Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон») // Сов. этнография. 1991. № 6. С. 25–39.
9. *Измензик В.С., Лебина Н.Б.* Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве (1920–1930-е гг.). СПб., 2010.
10. *Тяжелыникова В.С.* «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»: генезис и эволюция революционной жертвенности коммунистов // Социальная история: ежегодник, 1998–1999. М., 1999. С. 411–433.

*Статья поступила
в редакцию 25.02.2014*

немецких кооператоров в торговом обслуживании населения. Поездка в другие ведущие капиталистические страны представлялась маловероятной из-за низкого уровня торго-